ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Орлова Екатерина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

К ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ: ГАЗЕТА «РУССКАЯ МОЛВА» (1912–1913)[1]

Качественное общественно-политическое издание, рассчитанное на самую широкую просвещенную аудиторию, ежедневная независимая беспартийная газета «Русская молва» (1912–1913) до сих пор не становилась объектом внимания исследователей, хотя в ней сотрудничали А. Блок, А. Ремизов, Саша Черный, Л. Гуревич, Б. Эйхенбаум и многие другие. В течение долгого времени определяющим в отношении к газете было суждение В. И. Ленина, в 1913 г. охарактеризовавшего ее как буржуазную, псевдодемократическую и националистическую. В статье предпринимается анализ содержания и направления газеты, основанный на изучении ее публицистики, – прежде всего выступлений ее издателя Д. Протопопова. Прослеживается его судьба до и после 1917 г. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот. Автор статьи делает вывод, что репутация газеты, сложившаяся под влиянием сугубо негативных оценок В. И. Ленина, оказывается ложной и требует пересмотра, а роль газеты в литературном процессе начала 1910-х гг. нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: *газета «Русская молва», Д. Д. Протопопов, А. В. Тыркова-Вильямс, В. И. Ленин, либерализм, оппозиция, публицистика.*

Ekaterina I. Orlova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

ON THE HISTORY OF THE LIBERAL PRESS: THE RUSSKAYA MOLVA NEWSPAPER (1912–1913)

A quality social and political publication designed for the broadest enlightened audience, the daily independent non-party newspaper Russkaya Molva (1912–1913) has not yet become the subject of researchers' attention, although those studying the works of A. Blok, who published 2 articles and 5 poems there, know it very well. Many other writers and literary critics also contributed to the newspaper. Among them were A. Remizov, Sasha Chorny, L. Gurevich, B. Eihenbaum and others. For a long time, the assessments given to the newspaper by V. Lenin, who claimed it as bourgeois, pseudo-

democratic and nationalistic, remained decisive. This article analyzes the content and direction of the newspaper based on the study of journalistic works, mainly of the publisher of Russkaya Molva D. Protopopov. The author concludes that the newspaper's reputation, formed under the influence of V. Lenin's purely negative assessments, turns out to be false and requires revision. The role of Russkaya Molva in literature of the early 1910s is of great interest for researchers and needs to be further investigated.

Key words: *Russian Molva newspaper, D. Protopopov, A. Tyrkova-Williams, V. Lenin, liberalism, opposition, journalism.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.320

Введение

Возникший в конце XX в. интерес к взаимосвязям литературного процесса и журналистики в начале следующего столетия заметно актуализируется. Остаются еще не исследованными как отдельные издания, так и общие проблемы изучения форм взаимодействия их с литературой. Здесь мы остановимся на ежедневной газете «Русская молва» (1912–1913).

Для историков литературы «Русская молва» – это, прежде всего, газета, в которой сотрудничали А. А. Блок, А. М. Ремизов, Саша Черный и многие другие писатели, а кроме того, критики и филологи. Для историков журналистики это газета, которую издавал Д. Д. Протопопов. Специалистам известна история краткого сотрудничества с «Русской молвой» Блока (оно закончилось конфликтом). Статью Блока «Искусство и газета» можно рассматривать как программу «идеальных» отношений художника и прессы, а историю конфликта – как пример неосуществимости идеала. Необходимо комплексное изучение изданий предреволюционной эпохи, как имманентное, так и в связях с движением литературно-эстетической мысли. Это будет способствовать дальнейшей разработке методологии исследований, касающихся форм взаимодействия журналистики и литературного процесса. Такие работы уже ведутся (см.: Политика и поэтика, 2014: 15; Холиков, Хруслова, 2021; Odessky, Spivak (ed.), 2021; Балашова, 2020: 350–351).

Репутация газеты «Русская молва»

Но сначала необходимо понять, что из себя представляла сама газета. Исследований, посвященных ей, до сих пор не было. Неизвестно (во всяком случае, пока), сохранился ли архив «Русской мол-

вы». Д. Е. Максимов в примечаниях к Собранию сочинений Блока, выходившему в 1960-е гг., характеризует ее как «либеральную, буржуазно-националистическую газету» (Максимов, Шабельская, 1962: 763). Советская историческая энциклопедия называет «Русскую молву» «буржуазной газетой, органом “прогрессистов” и правых кадетов»[2], ссылаясь на ленинскую характеристику 1913 г. В статье «Возрастающее несоответствие. Заметки публициста» Ленин писал: «Взгляните на “Русскую Молву”. Этот орган прогрессистов, орган проповеди компромисса между октябристами и к.-д., подбирает к себе все больше официальных членов к.-д. партии <...> Что подобная публика тянула к большему сближению с октябристами, это несомненно. Это не могло быть иначе. Но так же несомненно, что Милюков мирит их с “левыми к.-д.” на платформе с демократической вывеской и с октябристской сутью» (1968: 383). Ленину же принадлежит и оценка газеты как националистической, либеральной и буржуазной. Для Ленина, нетерпимого даже к инакомыслящим социал-демократам, единственная в Думе несоциалистическая Партия народной свободы – несомненно вражеская, а путь реформ, путь конституционной работы – совершенно неприемлем. Известно, каким исключительно негативным ореолом надолго было окрашено Лениным само понятие либерализма. Неслучайным кажется такой эпизод, произошедший задолго до интересующих нас событий. В 1904 г. Ариадна Владимировна Тыркова (1869–1962), в будущем член ЦК Конституционно-демократической партии, а тогда – участница нелегального Союза освобождения, была арестована за провоз в Россию издаваемого П. Б. Струве за границей и запрещенного в России журнала «Освобождение». Ее спутника, приват-доцента Петербургского университета Е. В. Аничкова, оставили в тюрьме, а Тыркову ввиду ее нездоровья до суда отпустили домой. Она скрылась за границу и так оказалась в Женеве, где в это же время и тоже на нелегальном положении жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская – гимназическая подруга Тырковой. Так Тыркова оказалась в гостях у четы Ульяновых. Впоследствии она вспоминала, что Ленин по просьбе жены – Тыркова не знала города – пошел проводить ее до трамвайной остановки:

«Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму <...> мои слова его задевали, злили <...> В глазах замелькало острое, недоброе выражение.

<...> я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа <...> А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

– Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.

– Нет. Я вам в руки не дамся.

– Это мы посмотрим.

На этом мы расстались»[3].

Прокомментируем приведенный эпизод с точки зрения читателя 2020-х гг. Тыркова и Ленин – люди одного круга. Ленин знаком со старшим братом Тырковой Аркадием Владимировичем по ссылке в Сибири, где дворянин Тырков оказался, как и Ленин, за антиправительственную деятельность. В описываемый вечер Тыркова – гостья Ульяновых. Хозяин дома исполняет долг вежливости, пусть и по просьбе своей жены, – провожает даму. А заканчивается вечер тем, что новый знакомый и муж любимой подруги собирается повесить ее на фонаре, хотя бы и фигурально. Ленину могло быть не известно, что Тыркова вела жизнь отнюдь не барскую. Разведясь с мужем, она растила двоих детей, зарабатывала на жизнь литературным и журналистским трудом, участвовала в освободительном движении. Добавим к этому, что и Тыркова, и Ленин находятся в Швейцарии на нелегальном положении. Оба чают перемен для России, но по-разному представляют себе степень или формы этих перемен. Объясняется ли острота спора общим желанием блага родине – но это должно было бы объединить собеседников – или личным темпераментом спорящих, особенно спорящего? Впрочем, кажется, этот вопрос скорее риторический, во всяком случае выводящий за пределы истории журналистики и истории литературы. Но он представляется полезным для того, чтобы судить о степени оценочного, а значит, субъективного начала в более поздней характеристике, данной Лениным «Русской молве», как и вообще в его отношении к либерализму. Мемуары же Тырковой, написанные после Второй мировой войны, и другие материалы из ее архива, ныне опубликованные, известны историографам и высоко ценятся как важный вклад в историю общественно-политического, освободительного движения в России начала XX в., интерес к ним в последние годы актуализируется (см.: Канищева, 2012: 3–33).

Мы отнюдь не приписываем деятелям начала XX в. современных понятий оппозиционности, либерализма. Давать им определения здесь тоже не представляется целесообразным, как и прослежи-

вать их эволюцию, – это другая тема. Но, как и предполагает культурно-исторический метод, рассматривая интересующий нас предмет в социокультурном контексте своей эпохи, мы в то же время интерпретируем его с точки зрения современности.

Между тем если отвлечься от всех негативных, снижающих коннотаций, на протяжении многих десятилетий окружавших по воле Ленина понятие либерального, то назвать «Русскую молву» газетой буржуазно-либеральной, вероятно, можно. Но тогда под буржуазностью здесь надо понимать лишь то, что Партия народной свободы была единственной несоциалистической партией в русском парламенте – в Госдуме. Поэтому только прямой бинарностью мышления можно объяснить логику: несоциалистический – значит непременно буржуазный. Как мы увидим, в эти определения не вмещается все богатство оттенков оппозиционной мысли в России начала XX в.

Общая характеристика газеты

«Русская молва» создавалась как газета прогрессивная, беспартийная и независимая, что неоднократно подчеркивалось на ее первой полосе: эти слова часто бывали помещены под заголовком газеты, в том числе, например, в объявлениях о подписке. Издававшаяся в Петербурге, «Русская молва» была рассчитана на самую широкую просвещенную аудиторию: в одном из номеров была информация о том, что газета поступает в открытую продажу во все газетные киоски в городах, на железнодорожных станциях, на пристанях и т. д. Газета призывала читателей в том случае, если она почему-либо не поступает в киоск, обращаться в редакцию с информацией о том, где именно ее невозможно купить. Помимо России, газету можно было приобретать или выписывать в странах Западной Европы, о чем сообщалось, в частности, в номере от 23 мая 1913 г. (№ 159. С. 1) Таким образом, даже не зная точно, каков был тираж газеты, мы можем уверенно утверждать, что распространялась она по всей России и даже за ее пределами. Первый номер «Русской молвы» вышел 9 декабря 1912 г., последний – 20 августа 1913 г. Комплект газеты насчитывает 247 номеров большого формата. Единственным днем, когда «Русская молва» не вышла, было 26 декабря 1912 г. – выходной день после Рождества Христова. Печаталась «Русская молва» на 8, иногда на 6 полосах, летом 1913 г. – на 4. Оформлением она в целом не отличалась от других ежеднев-

ных изданий. Только сатирический раздел «Свисток», который непременно содержал авторские шаржи, карикатуры и т. п., всегда был отбит на полосе двойной чертой и имел постоянную «шапку» – шаржированный рисунок: журналист-сатирик своим свистом создает ветер, пугающий обывателя и сдувающий с него шляпу. Рисунок, впрочем, мы бы не назвали большой художественной удачей: график (имя его нам не известно) не учел, что сатирической деформации подвергся и образ журналиста. Гусиное перо за ухом однозначно указывало на его профессию, но раздутые щеки и вытянутые в свисте губы придавали ему сниженный, комический вид. Мы не знаем, кто отвечал за оформление «Свистка», но карикатуры на злобу дня там печатали Н. Радлов, С. Радаков – и сейчас хорошо известные художники. Кстати, само название «Свисток» должно было напомнить читателям добролюбовское приложение 1859–1863 гг. к журналу «Современник». Если наша догадка о преемственности верна, то это веский аргумент в пользу демократической и оппозиционной направленности «Русской молвы».

Изредка газета помещала фотографии – например, к материалу об условиях быта донецких шахтеров (корреспондент с возмущением писал об антисанитарных условиях их жизни): на снимке можно видеть, что рабочая одежда сушится над печкой, на которой готовится еда; здесь же за примитивным столом сидят дожидающиеся ужина усталые люди. Другой пример: после нападения душевнобольного на картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» газета опубликовала не только материалы российской и зарубежной прессы, но и фотографию порезанной ножом картины. Кстати, заметка Б. М. Эйхенбаума об этом событии в номере от 20 января 1913 г. – единственное известное нам публицистическое выступление выдающегося филолога в начале 1910-х гг.

Итак, мы можем охарактеризовать «Русскую молву» как общественно-политическое и просветительское либеральное издание, публиковавшее не только статьи об искусстве, русском и зарубежном, но и рецензии и библиографические бюллетени, отражавшие разные области знания.

Personalia и публицистика

История создания газеты до сих пор не написана. В единственно доступных нам документах РГИА она представлена крайне скупо. Однако, как известно историкам журналистики, более важны-

ми являются сведения не о тираже или коммерческом успехе издания, а о составе редакции и ближайшем круге авторов, а самое главное – о содержательной стороне дела.

Некоторые факты, связанные с историей газеты, все же известны, хотя порой и противоречивы. Четыре главных источника, находящиеся в нашем распоряжении, – это официальные документы, воспоминания, переписка и комплект газеты. Документов известно не много. Это, в частности, прошение в адрес Министерства торговли и промышленности о создании товарищества на паях «Русская молва», сообщение, адресованное министру торговли и промышленности, о том, что со стороны МВД препятствий к утверждению товарищества не имеется, и др.[4] Однако в документе отсутствует дата начала дела (вероятно, ею надо считать 7 января 1913 г., когда издатель обращается в министерство за разрешением учредить товарищество). Окончание дела датируется тем же 1913 годом. Загадкой до сих пор остается и то, что высочайшее разрешение на открытие «Русской молвы» было получено лишь 28 апреля 1913 г.[5] – первый же номер газеты вышел еще 9 декабря 1912 г.

Гораздо больше в данном случае, когда официальные документы проверены нами быть не могут, дают для исследователя воспоминания Вл. Пяста (В. А. Пестовского), А. Г. Бормана (сына Тырковой) и, конечно, в первую очередь – само содержание газеты. Материалы эти служат основным корпусом документов и существенно пополняют наши знания, в ряде случае подтверждают либо опровергают суждения мемуаристов. Эпистолярий (во всяком случае, известный нам сейчас) крайне скуден. Например, имеется всего 2 письма Тырковой к Блоку. Почти нет внутриредакционной переписки – или она пока не обнаружена. Не вполне ясна роль Тырковой в газете, точнее – ее официальное место в составе редколлегии.

Издателем «Русской молвы» был Дмитрий Дмитриевич Протопопов (1865–1934) на всем протяжении существования газеты. Редакторы менялись: это поочередно были Л. И. Лушников (соиздатель), Л. А. Велихов, А. А. Стахович, С. А. Адрианов, снова Лушников. Борман пишет и о своей матери как о редакторе газеты, именно так ее воспринимают все, кто имеет хоть сколько-нибудь близкое отношение к работе редакции. К 1912 г. она уже известна как писатель, журналист, публицист, пишущий под псевдонимом А. Вергежский. Ее имя, причем с расшифровкой

псевдонима, значится в каждом номере, где сообщается о том, кто сотрудничает в газете. (Псевдоним «Вергежский» произошел от названия местности, где было имение Тырковых, Вергежа в Новгородской губернии на реке Волхове.) Вероятно, впервые Тыркова публично раскрывает свой псевдоним. В том же 1913 г. она убеждает некоторых других авторов (например, М. О. Гершензона) сделать то же самое. Газета на всем протяжении своей истории помещала объявления о том, что в ближайшем сотрудничестве с «Русской молвой» находятся С. Н. Булгаков, А. А. Блок, П. П. Гронский, Любовь Гуревич (так. – *Е.О.*), С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, М. М. Ковалевский, А. М. Ремизов, С. Ф. Ольденбург, Борис Садовской (так. – *Е.О.*), А. А. Стахович, П. Б. Струве, А. А. Шахматов, С. П. Франк и др. Мы видим, что в газете сотрудничали крупные писатели, общественные деятели, ученые разных специальностей, и список этот далеко не полон. Театральным отделом «Русской молвы» заведовала Л. Я. Гуревич, известный театровед и литературный критик, тогда (1912–1914) уже курировавшая отделы беллетристики и критики в журнале «Русская мысль», автор книги «Литература и эстетика», а в прошлом – владелица и издатель журнала «Северный вестник» (1891–1898). Таким образом, для филологов и историков журналистики в наше время нет нужды пояснять, что Гуревич является одной из ключевых фигур в литературной жизни начала XX в. По всей вероятности, она же привлекла к активному сотрудничеству в «Русской молве» Эйхенбаума, тогда недавнего выпускника Петербургского университета, а впоследствии всемирно известного ученого, одного из крупнейших филологов XX столетия. Тыркова же пригласила для организации литературного и критического отделов Ремизова и Блока, сделала ведущей фигурой экономического отдела Струве, привлекла и многих других. Таким образом, во многом благодаря Тырковой вокруг газеты группировался цвет петербургской либеральной интеллигенции. Мемуарист сообщает, что Тыркова же формировала круг авторов «от Пекина и Токио до Парижа и Берлина, которые могли бы посылать корреспонденции в газету» (Борман, 1964: 103).

О Д. Д. Протопопове[6] известно, что, дворянин, обладатель земель и владелец суконной фабрики в Симбирской губернии, он дважды становился неугодным царскому правительству. В 1895–1899 гг. он находился под гласным надзором полиции, был выслан в Финляндию на 3 года за политическую пропаганду среди кре-

стьян. Живя в Финляндии, написал о ней несколько статей для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Был избран в I Госдуму, затем за подписание «Выборгского воззвания» против роспуска Думы в 1906 г. был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен права быть избранным. Член Союза освобождения, а потом Партии народной свободы, он входил в ее ЦК.

Дважды арестовывали Протопопова и при советской власти – в 1919 и в 1930 г. В 1919 г. за него и других незаменимых для страны людей ходатайствовал перед Лениным М. Горький (известен крайне резкий ответ Ленина на слова Горького о людях, подобных Протопопову, как бесценных работниках и «мозге» нации). После 1930 г. Протопопов пребывал то в тюрьме, то в ссылке, затем получил разрешение жить в Ленинграде, но, как предполагают, в 1934 г. был снова арестован и погиб в заключении.

Юрист, предприниматель, Протопопов был и прирожденным журналистом. Он издавал журналы «Земское дело» и «Городское дело» и в 1912 г. с энтузиазмом включился в создание новой газеты, где выступал и как публицист.

Уже в первом номере «Русской молвы» была помещена программная статья Протопопова, в которой он объясняет свою позицию как издателя и излагает платформу газеты, причем уже здесь проявляется его публицистический стиль. По Протопопову, издание газеты – «...это не плод случайного увлечения нескольких лиц <...> нас, небольшой кружок единомышленников <...> ведет за собой ожидание великих перемен, совершающихся в нашей родине. *Далеко отошли былые дни освободительного подъема, но подходит конец и сменившим их годам уныния и унижения. Даже эти тяжелые годы недаром и не бездеятельно пережиты нашей родиной. В горьких муках рождался опыт. Свежие, расширяющие горизонт, мысли копились и копятся в глубине народной души. Дать возможность им проявиться и оформиться, дать исход и выражение всему смелому и правдивому – вот задача, вдохновляющая нас* (курсив наш. – *Е.О.*).

Мы у порога третьей полосы нашей жизни, синтеза двух предшествующих. Еще сильны старые предрассудки, мысль еще в плену у отживших лозунгов, но что-то новое мощно уже вторгается в жизнь. Это новое теперь требует совершенно нового отношения к вопросам государственным, общественным, экономическим; оно требует подъема народного духа во имя защиты и укрепления родины, требует забвения старых счетов и готовности к жертвам.

Прямой долг тех, кто верит в наступление нового периода, кто сознает необходимость внутреннего преображения России во имя ее мощи и счастья, кто верит в то, что судьбы России находятся в руках русского общества, еще не сознавшего своих сил, – прямой их долг громко заговорить об этом. Надо разбить уныние, превратившееся в один из канонов русского интеллигента.

Это, конечно, сделать не легко. Но мы уверены, что в этом трудном деле мы не останемся одни. И эта уверенность даст нам и силу, и право ввести еще одного бойца в тесные ряды русской оппозиционной печати»[7].

Можно ли назвать это выступление буржуазным и/или либеральным? Буржуазным, конечно, нет. Либеральным, конечно, да: в лучшем смысле этого понятия. Свободолюбие, независимость, гражданское чувство и стремление к консолидации прогрессивных сил в российском обществе, вера в необходимость формировать общественное мнение в России явственно движут авторским словом. И не случайно, как мы понимаем теперь, зная биографию Протопопова, он говорит о готовности к жертвам.

Нет сомнения, что газета была оппозиционной по отношению к правительству.

Все же проясним ее позицию. Для этого приведем противоположные точки зрения двух мемуаристов – Вл. Пяста и Бормана.

Пяст приглашен был к сотрудничеству, по-видимому, той же Тырковой, вероятно ценившей независимое положение Пяста в литературе. В своей книге 1929 г. «Встречи» он пишет: «... участвовал было в нескольких редакционных собраниях “Русской молвы” (о чем см. в дневниках Блока), – но там мне очень не понравился империалистический душок; я выступил на политическом собрании редакции с довольно резкой речью, неожиданной для всех, так как меня ведь приглашали только в литературно-художественный отдел, – затем – предложил А. В. Тырковой статью о Стриндберге. Как и следовало ожидать, редакторша оказалась противницей этого писателя, зло высмеявшего (буржуазное) женское движение, – в помещении фельетона мне отказала; я потом напечатал его в “Дне” (т. е. в газете «День». – *Е.О.*) . В “Русскую молву” ничего больше не предлагал, находя для себя неподходящим все направление этой газеты» (1997: 148).

К суждению Пяста следует отнестись внимательно: участник литературного процесса начала XX в., он известен как один из наиболее ценных, т. е. авторитетных мемуаристов, что очевидно для

историков литературы и журналистики начала XX в. Его книга «Встречи», впервые вышедшая в 1929 г., а в конце XX в. переизданная с подробными комментариями Р. Д. Тименчика, хорошо известна исследователям. Но в данном случае знакомство с содержанием газеты не дает никаких подтверждений правоты Пяста. Об империалистическом душке или духе не говорят ни жизнь, ни творчество Тырковой либо Протопопова, как и других сотрудников газеты. Не говорит об этом и содержание «Русской молвы». Но понятно, что Тыркова, чьей главной темой был женский вопрос, детские судьбы, образование (в том числе женское), отказалась поместить статью о Стриндберге. Не потому ли дальнейшее сотрудничество в «Русской молве» претило Пясту? «Одно из открытий гештальтпсихологии гласит, что усилия, не увенчавшиеся результатом, запоминаются лучше, чем реализовавшиеся» (Тименчик, 1992: 183), – это суждение авторитетнейшего современного исследователя, высказанное совсем по другому поводу, может, как нам представляется, многое объяснить в приведенном фрагменте воспоминаний Пяста.

К тому же как для большинства русского общества кадетская партия в начале 1910-х гг. казалась недостаточно радикальной, так и позиция «Русской молвы» (повторимся: беспартийной) могла быть воспринята тем же Пястом как чуть ли не консервативная. Мы бы назвали ее умеренно оппозиционной.

Несколько проясняет позицию газеты Борман. В его воспоминаниях, написанных в 1960-е гг., уже немолодым человеком, после смерти матери, есть очень точное, на наш взгляд, определение – «политическая психология». Вот как он ее характеризует:

«Осенью 1912 года в Петербурге возникла большая ежедневная газета “Русская Молва”. Финансовую сторону устроил приятель мамы Дмитрий Дмитриевич Протопопов <...> Протопопов был человек живой и активный. Его, как и многих других, не удовлетворяла доктринерски оппозиционная позиция, занятая газетой “Речь”. Он сам был человек богатый, но к газете привлек московских крупных промышленников. Издатели газеты сразу предложили маме пост редактора. В истории русской журналистики это был, кажется, первый случай, когда редактором ежедневной столичной газеты становилась женщина. По своему направлению, или, вернее, по политической психологии, газета занимала позицию правее кадетов. Кадетская партия до самой революции в основе своей была партией оппозиционной. Ее руководители счи-

тали, что все исходящее от правительства плохо и заслуживает порицания a priori. Руководители же новой газеты находили неправильной эту точку зрения огульного отрицания всего, что делает правительство. – Россия наша, и мы за все русское отвечаем все вместе и все вместе гордимся всем положительным, что у нас есть, и горюем о наших недостатках, – рассуждали они. В известном смысле "Русская молва" стремилась проводить точку зрения, несколько лет перед тем провозглашенную Милюковым, который говорил, что либералы должны быть оппозицией Его Величества, как это бывает с оппозиционной партией в Англии, а не оппозицией против Его Величества. Однако, провозгласив этот принцип, Милюков в своих действия отошел от него и исказил английское значение оппозиции»[8].

Итак, позиция «Русской молвы», как она сложилась к 1913 г., была – еще раз подчеркнем это – более умеренной в сравнении с позицией левого и даже правого крыла кадетов, хотя продолжала оставаться, как и вначале, вне партий. Но, как мы видели, Ленин отмечает не это, а некоторое «поправение» милюковской фракции, хотя разногласия между членами партии кадетов были гораздо менее острыми и непримиримыми, чем те, что наблюдались в социал-демократической партии. И Протопопов, и Тыркова (к тому времени Тыркова-Вильямс) – оба были членами ЦК Партии народной свободы, что не мешало им основать независимую газету. Борман вспоминает: «Мама не просто занимает редакторское место, а очень активно направляет газету»[9]. В то же время, как уже было сказано выше, ее имя ни разу не появляется в газете в качестве редактора. Хотя именно она во многом формирует работу редакции, заказывает авторам статьи, редактирует их.

Все же полного единства взглядов, видимо, не было и внутри редакции. Борман с неудовольствием пишет о политической позиции редактора, приват-доцента Петербургского университета С. А. Адрианова, и технического персонала «Русской молвы», – по Борману, их не устраивала достаточно умеренная оппозиционность газеты. Мемуарист вспоминает инцидент, возникший было в партии из-за начала выхода «Русской молвы». «Издателей новой газеты не смущало, что мама была членом центрального комитета кадетской партии, они знали ее настроения. Но когда газета появилась и сразу выявилась ее позиция, то некоторые лидеры центрального комитета подняли кампанию против мамы. Ее руководящее участие в "Русской Молве" обсуждалось несколько раз в ЦК, и поднимал-

ся даже вопрос об ее удалении из него. Маме пришлось отстаивать свое право быть редактором независимой газеты. Она ссылалась на то, что признанный лидер партии Милюков занимает редакторское положение в газете “Речь”, которая не является официальным органом партии. Потом эта кампания некоторых видных кадетов против мамы как-то заглохла»[10].

Как видим, беспартийная газета поначалу вызывала вопросы и даже недовольство в руководстве Партии народной свободы. Это было вообще новое явление для России. Если же говорить о позиции «Русской молвы», то она в полной мере оправдывает себя как газета оппозиционная. Протопопов формулирует это в своих публицистических выступлениях вполне осознанно и открыто. Тем не менее он призывает общество и власть к единению на основе разумного компромисса. Здесь нет противоречия, и это не должно нас удивлять. Будучи оппозиционно настроенным в отношении правительства, Протопопов все же считал, что обеим сторонам следует стремиться не к противостоянию в обществе, а к согласию. Так, по частному случаю (верховная власть может не утвердить на пост московского городского головы кн. Львова, нежелательного для Петербурга, т. е. для правительства) Протопопов пытается предостеречь власть от неверного шага. Он пишет:

«Представителей власти по-прежнему “мнози борют страсти”. Они, по-видимому, не могут взглянуть на вопрос просто. Они не хотят признавать, что нормальный государственный порядок держится прежде всего на *компромиссе* между обществом и властью, что все дело – в ряде взаимных разумных уступок, которые никогда не должны рассматриваться с точки зрения одного престижа власти (курсив автора. – *Е.О.*).

Почти инстинктивно стремится теперь часть русского общества к тому, чтобы найти хоть какую-нибудь точку для соглашения с теперешними носителями власти, – только для того, чтобы вывести страну из невозможного состояния.

Но этого настроения роковым образом не хотят или не могут понять те, кто должны понимать больше, чем рядовые граждане, кто должны дальше, чем они, заглядывать в будущее.

<...> Обществу нужны не слова, а поступки»[11].

Как видим, по мнению публициста, компромисс необходим с обеих сторон; это нужно для того, чтобы достичь равновесия в обществе. Но к власти Протопопов предъявляет более высокие

требования, чем к обществу. Главное для автора статьи сейчас – не допустить противостояния этих сил.

Вероятно, это и есть «политическая психология» либерализма: свобода в рамках законности, общая ответственность при большей ее доле со стороны «верхов».

Конечно, все это было очень далеко и от социализма, и особенно от его экстремального варианта – левой социал-демократии. Но для правительства и этой весьма умеренной оппозиционности было достаточно. (Известно, например, что однокурсник Блока по историко-филологическому факультету Н. В. Недоброво по окончании университета в 1906 г. не мог устроиться на работу в Государственную думу именно из-за своей принадлежности к кадетской партии, и только благодаря связям известного в Петербурге адвоката, чей сын Б. В. Анреп был другом Недоброво, он был принят в Думу.)

К тому же, «Русская молва» считала, что публицистика не только может, но и должна быть беспартийной. Об этом писал анонимный автор (в газете вообще довольно много статей без подписи – вероятно, такие материалы мыслились как выражение общей платформы газеты):

«Для *публицистики* партийность только тормоз (курсив автора. – *Е.О.*) <...> Ошибками может быть заражена и внепартийная политическая мысль. Но ей легче перестроиться. Она свободна от балласта связанных с определенным историческим моментом программных лозунгов. Над ней не тяготеет запрещающая подавать свой личный голос дисциплина. Политическая индивидуальность свободней развивается и процветает в условиях беспартийности»[12].

Конечно, это прямо противоположно тому, на чем настаивал Ленин в своей давней статье, с которой полемизировал еще В. Брюсов, – «Партийная организация и партийная литература». Другое дело, что в 1912 г. автор статьи в «Русской молве» уже не помнил или вовсе не знал об этом. Но понятно, что и в отношении беспартийной публицистики позиция газеты была Ленину абсолютно чужда.

Теперь рассмотрим вопрос, можно ли считать «Русскую молву» газетой националистической, как об этом, повторяя Ленина, писали на протяжении многих десятилетий.

Эта аттестация в корне противоречит тому, как высказывалась на тему национальной политики газета на протяжении всей своей недолгой истории. По мере того как в мире и в самой России нараста-

ла напряженность, бодрый тон, поначалу характерный для «Русской молвы», не то чтобы спадает, но в газете начинают звучать все более тревожные ноты. Она отнюдь не замалчивает назревавшие в стране проблемы. Что же касается национального вопроса, газета занимает позицию однозначно прогрессивную. В июле 1913 г. редакция посвящает почти полную полосу 60-летию В. Г. Короленко. В другом номере помещает отклик на недавнюю статью, в которой он вновь выступает против национализма. А еще раньше, в декабре 1912 г., М. Славинский с негодованием пишет о польском антисемитизме. Позиция «Русской молвы» такова:

«Для русского прогрессивного общества и русские поляки, и польские евреи не “граждане второго сорта”, а просто русские граждане. И если поляки по отношению к евреям решили обратиться к политике Победоносцева, говорившего о том, что еврейского вопроса не существует, так как 1/3 евреев эмигрирует, 1/3 умрет от голода, а последняя 1/3 будет уничтожена,– то русскому прогрессивному обществу с поляками не по пути»[13].

Итак, и характеристика газеты «Русская молва» как издания националистического не может быть подтверждена.

Выводы

Мы видим, что корпус материалов самого печатного издания может служить главным документальным источником, особенно в случае недоступности или отсутствия официальных документов либо невозможности их верификации.

Газета «Русская молва» представляет несомненный интерес как для историков журналистики, так и для филологов. Даже при существующей неполноте источников с очевидностью выявляется ее демократическая и оппозиционная направленность, – это показывает в первую очередь анализ публицистики газеты. Он должен быть продолжен.

Необходимо изучение материалов, посвященных культуре, искусству и прежде всего литературе – как она была представлена на страницах «Русской молвы». Это позволит судить о роли печати как фактора литературного процесса начала XX в., во многом его определяющего и организующего.

Характеристики «Русской молвы» как буржуазной, националистической, псевдодемократической оказываются в корне неверными и требуют пересмотра. Необходимо откорректировать встре-

чающиеся до нашего времени даже в академических изданиях неточности в определении и аттестации газеты[14].

Репутации писателей, произведений, печатных органов (в более позднее время – органов СМИ), как известно, бывают истинными и ложными. Часто это выясняется только по прошествии времени. «Русская молва» являет собой именно второй случай.

Примечания

[1] Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00003).

[2] Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

[3] *Тыркова-Вильямс А.* Из книги «То, чего никогда не будет» // Малознакомый Ленин: [сборник] / сост. *Ст. Сергеев*. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2016. (Серия «Русские мемуары»). С. 30–32.

[4] РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1824. Л. 1.

[5] Там же. Л. 39.

[6] Сведения о нем см.: Электронная Библиотека «Научное Наследие России» (e-heritage.ru) (дата обращения: 8.05.2021). Ценная статья содержит некоторые неточности: например, не упомянут издаваемый Протопоповым журнал «Городское дело»; по другим сведениям (Борман), Протопопов не финансировал сам газету «Русская молва», но привлек к ее изданию инвесторов.

[7] *Протопопов Д.* Зачем новая газета? // Русская молва. 1912. № 1. Дек., 9. С. 3.

[8] *Борман А.* А. В. Тыркова по письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 99–100. Многочисленные орфографические ошибки и описки автора, покинувшего Россию еще в юности, исправляются нами и специально не обговариваются.

[9] Там же. С. 103.

[10] Там же. С. 99.

[11] *Протопопов Д.* Как быть Москве? // Русская молва. 1913. № 52. Фев., 1. С. 2

[12] [Б.п.] Беспартийность // Русская молва. 2012. № 1. Дек., 20. С. 4.

[13] *Славинский М.* О польском антисемитизме // Русская молва. 2012. № 15. Дек., 23. С.3.

[14] Ср: «"Русская молва" – орган "прогрессистов" и правых кадетов, редактор-издатель А. В. Тыркова» // *Блок А. А.* ПСС. Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 559.

Библиография

Балашова Ю. Б. Филологическая методология истории журналистики // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1. М.: Фак. журн. МГУ, 2020.

Борман А. А. В. Тыркова по письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964.

Канищева Н. И. Предисловие // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Научное издание. М.: РОССПЭН, 2012.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968.

Максимов Д. Е., Шабельская Г. А. [Примечания] // Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5 / подг. текста и прим. *Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской*. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962.

Политика и поэтика. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014.

Пяст Вл. Встречи / сост., вст. ст., науч. подг. текста, коммент. *Р. Д. Тименчика*. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Тименчик Р. Д. Н. В. Н. // Шестые Тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992.

Холиков А. А., Хруслова В. Г. Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики // Вопросы литературы. 2021. № 3. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-178-209

Odessky M., Spivak M. (ed.) (2021) Russian Newspaper Strategies and Practises of the First Half of the 20th Century. *Russian Literature*. 2021. 120–121. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2021.05.004

Notes

[B.p.] Bespartiynost‘ [Nonpartisanship] (2012) *Russkaya molva* 1, 20 December: 4.

Borman A. (1964) *A. V. Tyrkova po pis’mam i vospominaniyam syna* [A. V. Tyrkova in Letters and Her Son’s Recollections]. Louvain; Washington. Pp. 99–100.

Protopopov D. (1912) Zachem Novaya Gazeta? [What for Novaya Gazeta?]. *Russkaya Molva* 1, 9 December.

Protopopov D. (1913) Kak byt Moskve? [What is Moscow to Do?]. *Russkaya Molva* 52, 1 February.

RGIA. F. 23. Op. 12. D. 1824. L. 1 [Russian State Historical Archive. Fund 23. Inv. 12. File 1824. Sh. 1].

Slavinsky M. (2012) O polskom antisemitizme [On Polish Antisemitism]. *Russkaya Molva* 15, 23 December. (In Russian)

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Historical Encyclopedia] (1961–1976) Moscow: State Scholarly Publishing House «Sovetskaya Entsiklopediya».

Sr: «“Russkaya molva” – organ “progressistov” i pravykh kadetov, redaktor-izdatel‘ A. V. Tyrkova» [Compare: «Russkaya Molva Is the Paper of the Progressists and the Right-Wing K-Ds, A. Tyrkova Being Editor and Publisher»]. In *A. A. Blok PSS. T. 8* [A. Blok. Full Collection of Works in 8 vols. Vol. 8.]. Moscow: Nauka Publ.

Tyrkova-Williams A. (2016) Iz knigi «To, chego nikogda ne budet» [From the Book “Something Which Is Never to Come”]. In *Maloznakomy Lenin* (sbornik / Sost. S. Sergeyev) [The Little-Known Lenin (a collection compiled

by S. Sergeyev)]. St. Petersburg: "Torgovo-izdatelsky dom Amfora" Publ. (Seriya "Russkie Memuary") 30–32 [("Russian Memoirs" series). Pp. 30–32].

References

Balashova Yu. B. (2020) Filologicheskaya metodologiya istorii zhurnalistiki [The Philological Methodology of the History of Jornalism]. In *Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 1* [Journalism in 2019: Creative Work, Profession, Industry. Proceedings of the International Research-to-Practice Conference. Vol. 1.] Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Borman A. (1964) *A. V. Tyrkova po pis'mam i vospominaniyam syna* [A. V. Tyrkova in Her Son's Letters and Recollections]. Louvain; Washington. (In Russian)

Kanishcheva N. I. (2012) Predislovie [Foreword]. In *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovoy. Dnevniki. Pis'ma* [Ariadna Tyrkova's Legacy. Diaries and Letters]. Moscow: ROSSPEN Publ.

Kholikov A. A., Khruslova V. G. (2021) Poeziya revolyutsionnogo narodnichestva. Ot editsionnoy praktiki k izucheniyu form vzaimodeystviya literatury i zhurnalistiki [Poetry of Revolutionary Populism. From Editing to Studying the Interaction of Literature and Journalism]. *Voprosy literatury* 3. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-178-209 (In Russian)

Lenin V. I. (1968) *Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 22* [Full Collection of Works. 5th ed. Vol. 22]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. (In Russian)

Maksimov D. E., Shabel'skaya G. A. (1962) [Adversaria]. In D. E. Maksimov, G. A. Shabel'skaya (eds.) *Blok A. A. Sobr. soch. v 8 tt. T. 5* [A. Blok. Collection of Works in 8 vols. Vol. 5]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit-ry Publ. (In Russian)

Odessky M., Spivak M. (ed.) (2021) Russian Newspaper Strategies and Practises of the First Half of the 20th Century. *Russian Literature* 120–121.

Politika i Poetika. Russkaya Literatura v istoriko-kulturnom kontekste Pervoy Mirovoy Voyny: publikacii, issledovaniya i materialy [Politics and Poetics. Russian Literature Against the Historical and Cultural Background of the First World War: Publications, Research and Materials]. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russian)

Pyast V. (1997) *Vstrechi* [Encounters]. Moscow: Novoye Literaturnoye obozreniye Publ. (In Russian)

Timenchik R. D. (1992) N. V. N. [N.V.N.]. In *Shestye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [6th Tynyanov Readings: Abstracts and Materials for Discussion]. Riga; Moscow. (In Russian)

Поступила в редакцию
11.05.2021